

Гладиаторы двадцать четвёртого века

18+

Николай Липницкий

Николай Иванович Липницкий

Гладиаторы двадцать четвёртого века

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64052096

SelfPub; 2021

Аннотация

Думал ли Арсентьев Сергей Петрович, задумавший покончить жизнь самоубийством, что окажется не на том свете, а в далёком будущем, где ему придётся участвовать в смертельном шоу? Наверное, нет. Но, судьба, или далёкие потомки, распорядилась по-своему.

Николай Липницкий

Гладиаторы двадцать четвёртого века

Арсентьев вышел на крыльцо приёмного отделения онкологического центра, прислонился к стене и устало прикрыл глаза. Похоже, что это приговор. Окончательный и обжалованию не подлежит. А он никак не хотел верить. Ни тогда, когда, два месяца назад, гастроэнтеролог, просматривая анализы, пробурчал себе под нос: «Как бы не рачок-с у вас, батенька. Как бы не рачок-с», ни сегодня, когда после долгого и тщательного обследования пришёл в очередной раз к онкологу. Даже, когда онколог подтвердил все подозрения и настоятельно советовал лечь в стационар, Сергей Петрович не верил. Просто не мог поверить, что судьба распорядилась с ним таким коварным образом. Даже от госпитализации отказался. А, уже потом, в коридоре, замешкавшись с пальто, он услышал через плохо прикрытую дверь разговор врача с медсестрой.

– Ну, как же, Аркадий Борисович? Вы так спокойно восприняли его отказ, а, между тем, сами говорили, что чем раньше начинается лечение, тем больше шансов.

– Не в этом случае, Машенька. Слишком агрессивная форма. Предложить я должен, конечно. Даже настаивать

должен. Но, положив руку на сердце, всё это бесполезно. Только продлит мучения. Химиотерапия – вещь не приятная, сама знаешь. В любом случае, через недельку-полторы, он сляжет, а там, можно уже и ритуальные услуги заказывать. Тут мы бессильны.

И, вот тут, он поверил. Поверил сразу и безоговорочно. Сказанное за спиной в уверенности, что ты это не услышишь, всегда – правда, в отличие от сказанного в глаза. Это был удар. Тело, и без того слабое в последнее время, стало ещё более непослушным. Как Сергей Петрович вышел на крыльцо, он не помнил, и теперь стоит тут, опираясь на стену, а в голове мечется только одна мысль: «Это приговор».

– Простите, вам плохо? – вывел его из состояния ступора женский голос.

– Что? – он вздрогнул, открыл глаза и увидел девушку в легкомысленном розовом пуховичке, с сочувствием смотревшую на него. – Нет-нет, всё в порядке.

Отлепившись от стены, он медленно побрёл по дорожке к воротам. Расстояние, обычно плёвое, давалось с трудом. А там, ещё столько же, до автобуса. Выбравшись с территории центра, Арсентьев посмотрел неожиданно заслезившимися глазами в сторону остановки, подумал и махнул рукой стоящим неподалёку такси. В конце концов, если через две недели ему умирать, то, к чему деньги экономить? Перламутровый «Опель» сорвался с места и шустро подкатил. Сергей Петрович уселся на заднее сиденье, назвал адрес и опять по-

грузился в свои мысли.

Как это не вовремя! Хотя, смерть всегда не вовремя. Но сейчас, когда, с выходом на пенсию, появились большие планы на жизнь, умирать? На это он никак не рассчитывал. Но, похоже, судьба решила всё за него. Говорят, от рака умирать больно. Очень больно. Да, бывший сослуживец рассказывал, что, когда умирала его тёща, в последние дни постоянно кричала. Даже наркотики не помогали. Неужели, и ему уготованы эти муки? Неужели и он, под, сначала, сочувственными, а потом, раздражёнными взглядами жены и сына будет сутками корчиться от боли?

– Приехали, отец, – выдернул его из мыслей голос таксиста.

– Да-да, – Арсентьев вынырнул из своих мыслей, сунул водителю купюру и, не дожидаясь сдачи, выбрался из машины.

Дома никого не было. Сергей Петрович скинул пальто, стянул с ног ботинки и, надев тапочки, прошёлся на кухню. Рак. Одно это слово уже заставляет учащённо биться пульс и нехорошо сжиматься сердце. Но, узнать, что этот диагноз у тебя – это, вообще, ужасно. Чайник на плите засвистел, и Арсентьев вздрогнул. Он не помнил, когда поставил его на огонь. Наверное, чисто автоматически, занятый своими мыслями. Мысли. Наверное, это то, что будет его занимать всё оставшееся время. Пока не наступят боли. Потом будет уже не до мыслей. Потом боль будет его занимать целиком

и полностью. Нет, он не должен доводить до болей. Нельзя, чтобы он запомнился жалким, кричащим и корчащимся.

Он должен уйти сильным и в своём уме. Но, как? Повеситься, а потом болтаться в петле с высунутым прикушенным языком? Броситься с крыши? Прыгнуть под машину, или, ещё лучше, под поезд? Сергей Петрович передёрнул плечами. Нет. Не то. Тогда остаётся только наглотаться сильнодействующего снотворного. Конечно, по-женски как-то, зато безболезненно. И эстетически гораздо лучше. Нет сломанной шеи, прикушенного языка и мозгов, размазанных по асфальту. Как сказать жене? Вот, кто будет плакать. Сын, конечно, тоже расстроится, но, погоревав, быстро успокоится. У него своя семья, своя жизнь и свои дела. А жена убиваться долго будет. Всё-таки, всю жизнь прожили душа в душу.

Он посмотрел на часы. Полдень. Жена только вечером с работы придёт. Нужно, наверное, привести все свои дела в порядок. Так всегда в книгах и фильмах перед смертью делают. И фраза красивая. «Привести свои дела в порядок» – Арсентьев несколько раз произнёс это вслух, посмаковал и улыбнулся. Звучит солидно. Хотя, что тут приводить? Долгов нет. Всю жизнь старался жить по зарплате и никогда не занимал ни у кого. Квартира? Так и так, жене достанется. Вряд ли сын затеет тяжбу. У него своя квартира, а из горла выдирать он точно не будет. Воспитали мальчика правильно. Так что, если подумать, и дел нет никаких. Дома сидеть не хотелось. В четырёх стенах, вдруг, появилось ощущение,

что находишься в гробу или в склепе. Раньше, так не казалось. Он, вообще, любил свою квартиру, в которой прожил почти всю свою жизнь. Её дали им, как молодой семье, ещё в Советском Союзе, и он помнил, как они с женой радовались этому. Даже на Шампанское разорились, хоть и получали, тогда, как молодые специалисты, совсем немного. Но сейчас было именно такое ощущение.

Сергей Петрович встал, так и не выпив чай, оделся и вышел из дома. Уже на лестнице, спускаясь на первый этаж, в голове сложился план действий. Сейчас, он пойдёт по аптекам. Ничего подходящего, кроме димедрола, в голову не пришло. Не спросишь же ни у кого. За вопрос: «Что нужно выпить, чтобы умереть?» – можно и в психушку загреметь. Значит, нужно покупать димедрол. И, чтобы не возбуждать подозрение у провизора, всего по пачке в каждой аптеке. Да. Так будет лучше. Смертельной дозировки Сергей Петрович не знал, поэтому рассчитывал выпить сразу пачки три. Чтобы, уже, наверняка. Значит, нужны три аптеки. Кивнув своим мыслям, он бодро засеменил за угол, туда, где находилась ближайшая аптека.

Жена, придя домой после работы, сильно удивилась, увидев стол, на котором стояла бутылка вина, горели свечи, на уголке стоял торт из местной кулинарии, а посередине на праздничном блюде из серванта лежала курица-гриль.

– Это, какой, сегодня, праздник? – поинтересовалась Зи-

на, сбрасывая с плеч пуховик.

– Неужели обязательно нужна какая-то дата, чтобы провести романтический вечер с любимым человеком? – развёл руками Сергей Петрович.

– Что-то ты темнишь, – не поверила жена.

– Ничего не темню. Просто захотелось вот так посидеть. Помнишь, как в молодости? При свечке, под пирожные «Картошка» болгарскую «Варну» пили? Дёшево, зато романтика!

– «Варну» я пила. А ты портвейн квасил!

– Да, какая разница? Главное, нам хорошо было. Давай за стол быстрее, пока курица не остыла.

Пока Зина удалилась в ванную комнату, Арсентьев открыл бутылку и ещё раз посмотрел на этикетку. Да уж. Хорошее грузинское вино – совсем не чета дешёвому портвейну из молодости. Но, сейчас бы, он не отказался от стаканчика того, за рубль двадцать, который они с друзьями пили за гаражами под карамельку.

– Ну, угощай, что ли! – вышла из ванной жена. – Я, как раз, проголодалась.

Сергей Петрович засуетился, отломил крылышко, положил на тарелочку, подвинул Зине и наполнил бокалы.

– Надо было бы гарнир какой-то, – скептически посмотрела на стол жена.

– Нам с тобой этой курицы и без гарнира за глаза хватит.

– Эх, мужики! – шутливо вздохнула Зина и взяла бокал

за тонкую ножку. – Ну, за что?

– Давай, за нашу жизнь. За те тридцать восемь лет, что мы с тобой прожили, как один день.

Жена посмотрела на него с удивлением, но, протянув руку, чокнулась и сделала глоток.

– Что-то ты мне не нравишься. Колись: что случилось?

– Ничего. Почему, обязательно, что-то должно случиться?

– Ты у врача был?

– Был.

– И что сказали?

– Ничего страшного. Даже госпитализация не требуется.

Пропью витамины и всё.

– Что-то не верится мне.

– Слушай, не превращай романтический ужин в допрос с пристрастием. Давай, всё-таки, просто посидим вдвоём, выпьем, вспомним нашу жизнь.

– Давай, – с сомнением посмотрела Зина на мужа. – Но завтра я сама схожу к врачу и всё узнаю.

– Так тебя и отпустили, когда квартальный отчёт у вас!

– А я, всё-таки, вырвусь.

– Хорошо, – взгляд невольно переместился в прихожую, где во внутреннем кармане пальто лежали четыре упаковки димедрола. – Вырвешься и узнаешь, если мне не веришь. И, пусть тебе станет стыдно за то, что не доверяешь моим словам.

– Вырвусь и узнаю!

– Я же не против, – бокалы опять соприкоснулись со звоном. – А, сейчас, за тебя.

Посидеть так же хорошо, как бывало раньше, не получилось. Зина, явно, что-то заподозрила, а Арсентьев, зная, что живёт последний день и завтра сам себя лишит жизни, тоже не мог расслабиться. Вино так и не допили, и Зина, убрав бутылку вместе с недоеденной курицей в холодильник, пошла расстилать постель. Спать легли, даже, раньше, чем обычно, но долго оба не могли уснуть. Сергей Петрович ворочался на, ставшей, вдруг, неудобной, кровати с ортопедическим матрасом, слушая, как рядом вздыхает жена и думал о том, что завтра в это же время он будет лежать в морге на жёстких металлических носилках, накрытый сверху простынёй. Что его ждёт там, в загробной жизни? И, есть ли она? Может, вся эта религиозная мифология на самом деле – обычная ерунда, и там вообще ничего нет. А, всё-таки, страшно. Наконец, мысли стали путаться, и Арсентьев провалился в рваный выматывающий сон, в котором он всё бежал и бежал куда-то.

Проснулся уже утром, совершенно не отдохнувший. Зина уже суежилась на кухне, откуда доносился вкусный запах гренков. Пока умывался, мучительно пытался вспомнить, что же, всё-таки, ему снилось. Увы, кроме смутного беспокойства и лица с большими выпуклыми глазами, крошечным, почти отсутствующим подбородком и маленьким ртом, ничего не вспоминалось.

– Чего встал так рано? – поинтересовалась жена, разливая

по чашкам кофе. – Тебе же на работу не надо.

– Да так, захотелось позавтракать с тобой.

– Ох, не нравишься ты мне!

– Разводись, раз не нравлюсь, – старая шутка прозвучала в этот раз совсем не смешно.

– Ладно, хохмач, мне некогда. Сегодня главный проверяет, что мы по квартальному накидали. Надо перед работой ещё раз просмотреть. Я побежала.

Короткий, дежурный поцелуй в щёку, и жена выскользнула за дверь. Сергей Петрович закрыл за ней, уселся на диван и включил телевизор. Показывали новости. Неинтересно. Новости его уже не интересовали. Они – для живых. Вчера, ложась спать, он боялся, что утром передумает расставаться с жизнью. Как ни странно, не передумал. Напротив, желание умереть выкристаллизовалось и стало, почти, навязчивым. Пробежавшись по каналам, Арсентьев выключил телевизор и бездумно уставился в чёрный экран. И, всё-таки, страшно. Опять вспомнились ночные мысли. Что, если нет ничего? Нет ни рая, ни ада, ни души? Что, если он сейчас умрёт и всё. Кончится совсем?

Нет, так не может быть! Даже, если рассуждать не опираясь на религиозные догмы, а, просто, на логику. Природа, мироздание, слишком рациональны, чтобы разбрасываться знаниями и опытом каждого человека, накопленными за его, долгую ли, короткую ли, жизнь. Как ни суди, а человек всегда умирает на самом пике своего опыта и интеллекта. Не может

быть, чтобы это всё пропадало бесследно. Как бы то ни было, ответ на этот вопрос каждый получает только эмпирическим путём. Вот и он, сейчас, тоже всё узнает, но рассказать никому не сможет. Сергей Петрович усмехнулся своим мыслям. Ирония судьбы, прямо, получается.

Наверное, пора. Чего тянуть-то? Достав из пальто упаковки димедрола, он принялся методично выщёлкивать в тарелочку, на журнальном столике, таблетки из блистера. Получилась довольно приличная кучка. Бездумно, словно автомат, прошёл на кухню, набрал воды в высокий коктейльный стакан и вернулся назад. Ну, всё. Горькие таблетки запикивал в рот горстями, глотал, почти, не прожёвывая и сразу запивая. Несколько штук упали и закатились за диван. Сергей Петрович потянулся было за ними, но, потом, махнул рукой. При таком количестве три штуки туда, три – сюда, роли не играют.

Покончив с димедролом, допил остатки воды и прислушался к себе. Вроде, ничего. Спустя какое-то время, в глазах поплыло, Арсентьев усилием воли оглянулся и, вдруг, понял, что не знает, где находится. Перед глазами качались почему-то очень знакомые стены, а чёрный прямоугольник прямо напротив что-то смутно напоминал. Он постарался напрячься, но ничего не получилось. Вялые мысли, словно улитки расплзались в разные стороны, захотелось спать, Сергей Петрович окинул голову на спинку дивана и уснул своим последним смертельным сном.

Старший оперуполномоченный уголовного розыска Балашов Алексей, занимался самым нудным для себя делом. Он подшивал материалы. Зажав бумаги в специальный зажим, доставшийся ему ещё от старого Михалыча, уже, который год, благополучно выращивающий помидоры на пенсии на своём дачном участке, он старался продёрнуть сквозь всю эту стопку суровую нить. Шило никак не хотело протыкать такую толщу, но Алексей упорно давил, проворачивая шило и продвигаясь вперёд буквально по миллиметру. Дверь распахнулась, и в неё влетел лейтенант Горохов.

– Лёха! – возбуждённо проорал он. – Собирайся быстрее! Бачилу нашли!

– Да ты что?! – вскинулся Балашов. – Где?

– На хате у любовницы.

– Не зря я её квартиру поставил под наблюдение! И, как? Взяли?

– Не. Он наши ноги вычислил. Ну, звериный нюх у него, прямо! Сейчас там засел, любовницу в заложницы взял.

– Спецназ?

– Там уже. Хату обложили, так что, никуда не денется. Переговорщика ждут.

– Поехали!

Вор рецидивист Бачинский Василий Александрович, хладнокровный, циничный и безжалостный убийца по кличке Бачила, неделю назад сбежал с этапа и был объявлен в ро-

зыск. Когда Алексей предположил, что он обязательно вернётся к своей любовнице Ленке Ромашовой по кличке Ромашка, воровке на доверии с наивными голубыми глазами, никто ему не поверил. Слишком это было очевидным. А Бачила был очень хитрым и расчётливым. Умом Лёха и сам понимал, что это пустышка, но интуиция буквально кричала, что он обязательно придёт туда. И, пришёл, ведь!

Дом, где жила Ромашка, увидели ещё издалека по обилию патрульных машин, столпотворению людей в форме и чёрному микроавтобусу спецназа. Сами бойцы тоже были здесь, рассредоточившись за машинами и удерживая под прицелом окна Ленки на втором этаже. Пока Горохов парковался, Алексей успел увидеть Рокотова из прокуратуры, Свиридова, начальника уголовного розыска, Федулова, начальника РОВД и, носящегося с мегафоном, следователя Петрушина.

– Балашов! – увидел Лёху Свиридов. – Приехал уже?

– Да, Дмитрий Игоревич.

– А ты прав оказался, чертяка! Пришёл он!

– Прийти-то пришёл. Только, как брать теперь его будем?

Он же, если что, Ромашку не пожалеет.

– Думаешь?

– Для Бачилы нет ничего святого. А эпизодов у него и до этого на пожизненное было. Так что, одним трупом больше для него не критично. Одна надежда на переговорщика.

– Нет надежды.

– Почему?

– Вон, стоит, воду глотает.

Алексей посмотрел в ту сторону, куда кивнул Свиридов и увидел бледного парня лет двадцати пяти, нервно пьющего прямо из горлышка пластиковой бутылки. Руки у него не просто дрожали, а ходили ходуном.

– Что это с ним?

– Сунулся на переговоры, а Бачила в него из пистолета без всяких разговоров. Хорошо ещё, что не попал.

– У Бачилы ствол?

– Да. Как минимум один ПМ.

– А снайпер?

– Не может достать. Грамотно сволочь засел. Не выходит на выстрел.

– Другого переговорщика не нашлось?

– Нет. Только этот. Говорили, что грамотный. Во Франции в антитеррористическом центре каком-то крутом на курсах был, учился по-европейски преступников и террористов уговаривать.

– На наших, получается, их европейские методы не работают?

– Наши не толерантны. Сразу стрелять начинают.

– Может, я попробую? Я его, всё-таки, брал уже. Почти родственники.

– Не чуди. Тебя он в первую очередь пристрелит.

– Попробовать стоит.

– Не чуди, говорю. Балашов! Куда пошёл?! А ну, назад!

Порыв был внезапным, но, на тот момент казавшийся Лёхе, единственно, верным. На ходу вытаскивая пистолет из кобуры под мышкой, он вбежал в подъезд и, мельком предъявив своё удостоверение бойцу на лестнице, поднялся на второй этаж. У двери сидели на ступеньке четыре спецназовца, а их командир, худой и желчный Сашка Малахов нервно курил у клетки лифта.

– Ты ещё куда? – недовольно поморщился он.

– Туда, – Лёха кивнул на дверь.

– Жить надоело? Он же на каждый шорох шмаляет!

– А я попробую.

– Надеешься в нём совесть пробудить?

– Нет. Это бесполезно. Хочу объяснить ему, что единственный шанс остаться в живых, это сдать без боя. Ну, или, на крайний случай, поробую вытащить его под снайпера. Как он, хоть, у вас? Не промахнётся?

– Обижаешь! Тут, хоть бы секунд на десять показался бы, нашему снайперу бы хватило.

– Тогда передай ему, что пусть будет готов.

Алексей осторожно подошёл к двери и, встав сбоку, стукнул в пробитое в нескольких местах пулями дверное полотно рукоятку пистолета.

– Бачила! – крикнул он. – Это Балашов! Поговорить бы.

– А-а, мент! – раздался выстрел, и пуля, отколов длинную щепу от двери, ударилась о противоположную стену и с виз-

гом срикошетировала куда-то вверх по лестнице. – Что надо?

– Я же говорю, что поговорить.

– О чём?

– За жизнь поболтаем. Мы же люди друг другу не чужие, вроде. Найдём тему для разговора.

– У меня к тебе одна тема: пулю тебе в башку всадить.

– Ну, это дело не хитрое. Пустишь?

– Заходи. Была одна заложница, а, теперь, двое будут.

Замок щёлкнул, Лёха, набрав полную грудь воздуха, толкнул дверь и шагнул в квартиру. Полутёмная прихожая, освещённая, только, скудным светом, падающим из кухни и тёмный прямоугольник входа в комнату. Там, видимо, все шторы были плотно задёрнуты, поэтому и царил почти полный мрак.

– Дверь закрой за собой, – донеслось из темноты. – И ствол на пол. Даже не пытайся на звук выстрелить. Как раз Ромашку завалишь. Я за ней стою.

– Я понял, – ответил Алексей, закрыв за собой дверь и услышав, как защёлкнулся язычок английского замка за спиной.

– Ствол! – напомнил из темноты Бачила.

– Хорошо, – Лёха аккуратно положил пистолет на пол.

– Ногой ко мне.

– Да, – Балашов лёгким движением ноги отфутболил пистолет вперёд.

– Ну, о чём поговорить хотел?

– Может, я пройду? Как-то неудобно в прихожей говорить.

– Проходи.

– Ты свет включи.

– Обойдётся.

– А, если я в темноте ноги переломаю?

– Да, хоть шею. Не заплачу.

– Тогда, хоть, в кухню пошли. Там светлее. Ромашка, надеюсь, нам чаю приготовит?

– Не надейся. Ромашка моим бронежилетом побудет.

– Чего ты боишься? Пока я здесь, штурма не будет.

– Штурма, может, не будет, а снайпер уже на позиции. Поэтому, говорить будем в комнате.

– Как можно разговаривать с человеком, лица которого не видишь?

– Тогда, давай здесь.

– Ты из темноты выйди.

– Вот ты неугомный! Ну, хорошо.

Из темноты показался неправильный, весь, какой-то изломанный, силуэт. Лёха присмотрелся и разглядел здорового Бачилу, удерживающего впереди себя извивающуюся Ромашову. Поэтому и силуэт казался необычным. Ромашка была перепугана до невменяемости, бешено вращала глазами, но молчала, хоть широкая ладонь Бачилы не совсем плотно прикрывала её рот, а, скорее, удерживала её за шею.

– Ну, говори.

– Ты, вообще, на что надеешься? Тебя, вообще-то, обложили со всех сторон.

– Скажи ещё, что я усугубляю и так далее.

– А не усугубляешь? Ты понимаешь, что тебя завалить могут? Не лучше ли сдаться?

– А смысл?

– Жить будешь.

– На зоне? В четырёх стенах, полчаса прогулки в сутки и никакой надежды на выход на свободу? Нет, мент, мне такая жизнь не в жилу. Я, лучше, порезвлюсь напоследок.

– Как? Ромашку завалишь?

– И тебя. Тебя, точно. Я же тебя ещё в СИЗО приговорил.

– Ромашку оставь, мешает только. Всё равно снайпер тебя не видит, мой ствол вон, где валяется. Тебе бояться нечего.

Бачила подумал, хмыкнул и, ткнув Ромашку под колени ребром стопы, усадил её возле своих ног. Девчонка всхлипнула, некрасиво перекосив рот, и безвольно, кулем, прислонилась спиной к косяку. Похоже, от страха она совсем сломалась и уже ничего не соображала, пребывая в ступоре. После одной из переделок Лёха завёл за правило носить с собой второй ствол. Ну и что, что он не зарегистрирован. Кому в голову придёт обыскивать опера из уголовного розыска? Зато этот неучтённый ствол уже пару раз реально выручал. Так и сейчас. Резко упав на колени, он одним движением выхватил из потайного кармана плоский «Глок» и, уже видя, как направленный на него ствол ПМа изрыгает пламя, нажал

на спусковой крючок. Пистолет мягко толкнулся в ладонь, а дальше – темнота.

Ярослав Крамаренко сидел за столом, нервно теребя носовой платок, и затравленно смотрел на главврача медицинского центра. Ещё недавно, всё было прекрасно, и впереди маячило безоблачное будущее. И не просто безоблачное. Какие перспективы разворачивались перед ним! Талантливый хирург, подающий большие надежды, несмотря на свою молодость, достаточно известный далеко за пределами города! Несколько приглашений от ведущих центров Европы, одно из США, одно из Китая. Эх! Ехать нужно было, чем быстрее, тем лучше, а не раздумывать, словно витязь на распутье. Кто же знал, что в одночасье всё это рухнет?

То дежурство не задалось с самого утра. Сначала, он, по пути в центр, попал в пробку, и добирался до работы дворами. Потом, пролил на себя горячий кофе, и пришлось искать другой чистый халат и, наконец, ближе к вечеру, выбило пробки и на всём этаже, кроме операционной, не было света. Бегали с фонариками, пока электрик не устранил неисправность. И, в довершение, уже ночью, привезли парня с внутренним кровотечением. Время терять было нельзя. Пациента сразу доставили на операционный стол, Ярослав оперировал четыре часа, в итоге, спас жизнь парню, но, во время операции, неожиданно порезался. И порез-то был плёвый, но такого в его практике ещё не случалось. А тут, вдруг, слу-

чилось, словно он был не опытным хирургом, а начинающим практикантом. А потом выяснилось, пациент был ВИЧ-инфицированным. Результаты анализов были неутешительными: СПИД.

Кто-то слил эти данные в прессу, словно стараясь добить, и без того морально раздавленного, Ярослава. В итоге ведущие зарубежные центры отозвали свои приглашения, очередную монографию зарубили на корню в журнале «ВМС Surgery», одном из известнейших изданий в области хирургии. И, вот, сейчас, под окнами центра стоит толпа, которая размахивает плакатами с надписями, типа «Не допустим, чтобы нас лечили больные СПИДом врачи!» и скандирует: «Крамаренко! Вон из клиники!»

– Я тебе сочувствую от всей души, – главврач нервно сорвал с носа очки и принялся протирать их бархатной тряпочкой. – Такое со всяким случиться может. Всё понимаю. Но и ты пойми меня. Конечно, чисто формально, запретить тебе врачебную практику никто не может. Но, ты видишь, какой резонанс! Ничего не могу поделать. Пиши заявление об уходе по собственному желанию.

– И, куда мне?

– Не знаю. Здесь, в нашем городе, ты работу не найдёшь, даже, дворником. Иногда, известность работает против нас. Так сказать, обратная сторона медали. Может, тебе стоит уехать?

– Куда?

– Ну, страна у нас большая. Надеюсь, где-нибудь, на Камчатке ты сможешь пристроиться. А тут – извини. Да, хочешь, я переговорю со своим однокашником Колькой, точнее, Николаем Васильевичем Свиридовым? Он, сейчас, где-то на Дальнем Востоке главврачом работает. Я с ним в прошлом году на конференции в Москве встречался. Мужик неплохой. С понятием. Болтать, кому попало, не будет. Получится, что, ты, вроде, и не скрыл свой диагноз, и конфиденциальность соблюл.

– Жить на краю земли и раз в неделю оперировать аппендикс?

– Зря ты так! В тех краях много чего с людьми случается. А врачей хороших мало. Да ты для них таким подарком станешь, на который они молиться будут.

– Не знаю. Надо подумать.

– Подумай. Мне кажется, что это самый подходящий для тебя вариант.

– А научная работа?

– Наберёшь материал, отсидишься, дождёшься, когда вся эта муть уляжется, а потом, вернёшься.

– И сколько мне отсиживаться?

– Не буду тебя обнадеживать. Лет десять, точно.

– Понятно.

Заявление написать было делом одной минуты. Главврач, пряча глаза, подмахнул его, как говорится, не глядя, а отдел кадров оформил увольнение, тоже, в рекордные сроки, даже,

не заставив бегать по центру с обходным листом. Было видно, что от него избавляются с облегчением, как от гниющего куска мяса, случайно завалившегося на стерильной кухне. Получив трудовую книжку, Ярослав вышел на крыльцо центра и лицом к лицу столкнулся с людьми. Увидев его, толпа заволновалась, и отдельные крики переросли в один безобразный вой. Крамаренко пытался вычленивать отдельные лица, чтобы посмотреть им в глаза, но видел только смазанные черты, складывающиеся в одну коллективную злобную морду.

Не слушая и, почти ничего не видя перед собой, Ярослав пошёл прямо на эту толпу, наверное, в тайне надеясь, что его разорвут. Люди попятились, расступились, только один, кажется, старикашка, заступил дорогу и что-то прокричал.

– Отойди, – угрюмо проговорил Крамаренко. – Отойди, а то плюну.

Старикашка отскочил, испуганно заверещав. Вот так и бывает. Психоз какой-то. Никто ничего не знает о способах заражения, но, на всякий случай, объявить человека изгоем – раз плюнуть. Пройдя сквозь толпу, словно через коридор позора, Ярослав ступил на проезжую часть и, услышав скрежет тормозов, басовитое, и, вместе с тем, паническое гудение клаксона и уловив смазанное движение боковым зрением, обернулся для того, чтобы успеть увидеть неумолимо надвигающуюся на него многотонную тушу КамАЗА.

Пуля ударила в бруствер, сложенный из остатков кирпичной стены. Тяжёлая пуля, снайперская. Несколько очередей высекли фонтанчики пыли, а следом донеслось гортанное ругательство. Видимо, что-то непечатное. Бородатые готовились к следующему штурму, прекрасно понимая, что у бойцов нет возможности оторваться от преследования. А жаль. До своих осталось совсем немного. Встряли, как говорится, не по детски. Мишка Беляев последний раз харкнул кровью, выгнулся всем своим большим и сильным телом и, наконец, затих. За бруствером снова раздались гортанные крики, опять вспыхнула стрельба и с уцелевшего обломка стены, торчащего обломанным зубом доисторического чудовища, посыпалась кирпичная крошка. Бойцы нервно поглядывали друг на друга, не отвечая на автоматные очереди. Да и чем тут отвечать-то? Патронов меньше, чем по магазину на брата. А бородатые всё лезут. Сержант Хромов склонился над Пашей, озабоченно разглядывая пробитую осколком ногу. Кровотечение удалось остановить, но Павел прекрасно понимал, что, уже, не ходок.

– Сержант, – откашлялся он от пыли, набившейся в рот. – Забирай людей и уходи.

– А ты, Стилет?

– Я прикрою. Вернёшься с подмогой.

– Стилет, я...

– Сержант! Это приказ! Со мной вы далеко не уйдёте. И пацанов положим. А тут – я прикрою ваш отход. Вам все-

го-то осталось эти развалины пройти насквозь, потом улицу проскочить. Давай, родной, действуй. Помоги мне вон на тех ящиках устроиться. Там позиция лучше. И уводи людей.

Хромов свистнул Стебнову, они вдвоём подняли Пашу и перенесли его на указанное место. А отсюда, и вправду, лучше огонь вести. Сектор обстрела широкий и видно хорошо. Стилет подгрёб перед собой крупные обломки кирпичной кладки, устроив что-то вроде амбразуры и, оглянувшись, проводил взглядом парней. Бойцы уходили, молча, бросая на него хмурые взгляды. Пашка их понимал. С одной стороны, он им дарит шанс выжить. А, с другой – на всю жизнь оставляет чувство вины за то, что бросили командира. Но, другого выхода он не видел. Если группа не уйдёт, тут лягут все. Попытаются выйти, неся на себе Стилета, тоже все лягут. Только, на несколько шагов дальше.

Там, напротив, в полуразрушенном здании, обозначилось движение, и Пашка выстрелил по смазанному силуэту в окне. Что-то не торопятся они штурмовать. Ну, так, даже, лучше. Дальше группа уйдёт. Да и он немного дольше проживёт. Умирать-то не хочется. Смерть на этой войне ходила рядом со Стилетом почти с самого первого дня. Глубокие рейды по духовской территории чего только стоили! А тот бой, когда они вытаскивали из окружения роту мотострелков с прибившимся к ним, каким-то чудом, столичным корреспондентом? На бойцов, может, начальство и рукой бы махнуло, а корреспондент, это не зачуханный солдат – срочник, кото-

рых, только на улицах Грозного, полегло – не счесть. Корреспондент – это фигура, за которую могут и по папахе накостылять. Поэтому и бросили спецназ на помощь.

Было всё, но, вот так, прикрывая группу, наконец, заглянуть в глаза костлявой, о таком он и мечтать не мог. Этот рейд по тылам с самого начала не задался. Ещё только пройдя боевые позиции духов, нарвались на боевое охранение, потом их стали теснить с тыла и пришлось прорываться прямо через боевые позиции противника, а, в довершение, бородатые плотно сели на хвост, не давая не то, чтобы оторваться, но и нормально закрепиться где-нибудь. И помощь не вызовешь. Рация накрылась от шального осколка гранаты, а эти носимые коробочки «Мотороллы» в условиях городской застройки оказались бесполезными. Половина группы так и осталась лежать там, на руинах домов.

Стилет грустно усмехнулся. Мечтать. Как же, мечтал он сдохнуть вот так, на развалинах здания, в кирпичной крошке, отстреливаясь от наглых, самоуверенных духов, обдолбанных героинном до самых косматых бровей. Одно только и утешает, что своей смертью он пацанам шанс даёт. Большой ли, маленький, это одному Богу известно. Но шанс есть. Только не у него. У него, как раз, только один шанс, успеть выпустить все свои патроны и завалить хоть одного духа. А, лучше, двоих. Или троих. Но, тут уж, как фишка ляжет. Тяжёлая снайперская пуля стукнулась в ящик чуть позади. Ага. Снайпер его не видит. Бьёт наугад, на движение. А там, как

раз, ветер полиэтиленовый пакет дёргает, пытаюсь вытащить из-под обломков. Уже хорошо.

Справа, одна за другой, разорвались две гранаты, осколки с визгом пронесли над головой, и в воздух взметнулись тучи пыли, заволакивая всё пространство и мешая видеть поле боя. Штурм начался. Стиллет сплюнул тягучую слюну напололам с цементной пылью и выстрелил в появившийся перед собой силуэт. Попал или нет, но силуэт исчез, зато сразу появился второй, немного сбоку, потом ещё несколько, левее. Пашка стрелял, просто физически ощущая, как опустошается магазин. В его импровизированный бруствер ударила пулемётная очередь, и в глаза, вызывая острую боль, впились кирпичные крошки. Глазам, похоже, хана. Понимая, что вслепую стрелять невозможно, Стиллет вытащил из кармашка разгрузки заветную гранату, выдернул чеку и затих, вслушиваясь в какофонию звуков.

Стрельба стала стихать, послышались тяжёлые шаги многих ног, а, спустя время, разочарованные крики. Всё. Они уже на позициях. Но время для группы он выгадал. Живите, ребята! Осталось совсем немного. Ожидание собственной смерти стало невыносимым, но просто так тратить такой мощный аргумент, как граната Ф-1 было крайне расточительно. Если уходить, то не одному. Наконец, неподалёку, под чьими-то ногами заскрипели осколки кирпичей, раздались близкие голоса, чьё-то заплешное, со свистом, дыхание, команда, и чей-то ствол ткнулся ему в бок, проверяя,

живой или труп. Пора. Пашка резко, не обращая внимания на острую боль, прострелившую раненную ногу, перевернулся на спину и разжал ладонь, роняя себе на грудь гранату. Со звоном отскочила предохранительная скоба, раздались испуганные крики, и кто-то в голове удовлетворённо произнёс: «Всё!».

Что-то острое больно давило в правый бок. Арсентьев заворочался, медленно выплывая из небытия, открыл глаза и тупо уставился в нависший над головой каменный свод. Голова была пустая и только отдавала глухой болью в затылке при попытке подумать. Пещера. Откуда пещера? В ближайшие несколько лет они с женой, точно, не планировали выезды на природу с экстремальными видами развлечений. Да и раньше экстремальнее маёвок и рыбалок, тоже, ничего не было. Да и рыбалки-то – одно слово. Наливай, да пей, как говорится. Тогда, что это? Почему он в какой-то пещере, и, почему, один? Хотя, похоже, не один. Где-то недалеко кто-то закричал, а, потом, сдавленно выматерился.

Сергей Петрович, наконец, сел, переждал лёгкую тошноту и круги перед глазами и огляделся. Да. Это была пещера. Неровный каменистый пол, покатая стена с выпирающими острыми кусками скальной породы и такой же свод. И полутьма, разбавляемая светом из входа в шагах десяти от него. Свет был тусклый, но достаточный, чтобы не переломать ноги. Как он сюда попал? Он же дома был! Или нет?

Внезапное воспоминание обожгло кипятком. Он же должен был умереть! Четыре упаковки димедрола вряд ли оставили шанс на выживание. Тогда, что это? Тот свет? Арсентьев загробную жизнь представлял как-то иначе. По-крайней мере, не в пещере. Хотя, если это Ад, то он в подземелье, точно. Так, обычно, на картинках всяких рисуют. Но, если Ад и существует, то он глубоко под землёй, а не на поверхности. И это, явно, не этот случай. В широкую горловину входа падал дневной свет. И, тогда, где же сковородки?

– Слышь, мужик, а мы где? – раздался хриплый голос.

Сергей Петрович оглянулся и увидел неуверенно поднимающегося из-за груды осыпавшихся камней мужчину, цепляющегося рукой за выступ стены.

– В пещере, – не нашёл ничего лучше ответить Арсентьев.

– Так, это понятно, – мужчина, наконец, прочно утвердился на ногах и теперь с интересом оглядывался по сторонам. – А пещера где?

– Не знаю.

– Странно.

– Что странного?

– Меня, вообще-то, должно было гранатой разорвать. А, вместо этого, закинуло куда-то. И нога.

– Что, нога?

– Она у меня раненная была. Кровь еле остановили. А сейчас, даже, намёка на ранение нет. Кстати, что это за шмотки на мне?

Только сейчас Сергей Петрович заметил, что тот спортивный костюм, в котором он всегда ходил дома, сменился комбинезоном из плотной, но эластичной ткани. В полутьме цвет было не разобрать, но то, что он был удобным и функциональным, это точно.

– Меня Пашей зовут, – опять заговорил мужик. – Стилягин. Позывной «Стилет».

– Позывной?

– Да. Я военный. Капитан. Командир группы спецназа. Прямо из боя сюда попал.

– Меня – Сергей Петрович. Можно, просто, Петрович.

– А ты, как, тут?

– Сам не знаю. Таблеток наглotalся и отрубился. Проснулся, уже, тут.

– А зачем наглotalся-то?

– Рак у меня. Недели две жить оставалось, вот и решил не дожидаться.

– А что по-женски так?

– Зато в гробу выглядел бы прилично. А ты?

– А я в бою был. Отход группы прикрывал. А, потом, сам себя гранатой. Думал, всё, а тут, в себя прихожу, пещера какая-то.

– То есть, получается, мы оба умерли, и это тот свет?

– Не знаю. Как-то я по-другому его представлял. И, почему мы одни. Вроде, нас встречать должны.

– Кто?

– Ну, не знаю. По церковным представлениям – архангел какой-то, а в народе говорят, что умершие родственники.

– Эй! – раздалось из глубины пещеры. – Люди!

– А, вот и принимающая сторона, – оживился Кастет. – Ты кто?

– Я!

– Кто там я? Выходи, давай, не бойся! Чего перекрикиваться?

Этот парень, явно, не тянул на архангела. Да и родственником, судя по всему, не являлся. Выйдя из темноты, он с недоумением оглядывался по сторонам. Высокий, худощавый, с интеллигентным лицом и длинными тонкими пальцами. Они сразу бросались в глаза. Такие пальцы, ещё, музыкальными называют. И, ещё, он был напуган. Архангелы, если они есть, уж, точно, ничего не боятся.

– Кто вы? – жалобно поинтересовался он.

– А ты, кто?

– Ярослав. Я доктор. Был. Хирург.

– Почему был?

– Уволили меня сегодня.

– За что? На операционном столе кого-то зарезал?

– Нет. СПИДом заразился.

– Ого? Педик, или наркоша?

– Ни то и не другое. Пациент в тяжёлом состоянии поступил. Нужно было срочно оперировать, и на анализы времени

не было. Ну и, порезался во время операции.

– Не повезло. А, сюда, как попал?

– Дорогу переходил, задумался, а тут машина.

– Сбила?

– Не помню. Темнота, а, потом, сразу пещера.

– Ещё один покойничек, – почему-то, удовлетворённо заключил Кастет.

– Как покойник? – парень побледнел, словно, собрался тут же хлопнуться в обморок. – Почему?

– Потому что тебя машина сбила.

– Да ты не расстраивайся, – попытался успокоить его Арсентьев. – Не ты один. Я самоубился, а Паша на гранате подорвался. Меня, кстати, Сергей Петрович зовут. Можно короче – Петрович.

– А где мы?

– Это мы и сами пытаемся выяснить.

Шаги у входа в пещеру заставили замолчать и все дружно обернулись на звук. Солнечный свет, врывающийся в пещеру, светил незнакомцу в спину и можно было разглядеть, только, коренастый, плотно сбитый силуэт.

– Привет, мужики, – раздался мужской голос. – Мы где?

– Сами не поняли ещё. А ты, тоже, умер?

– Умер? Значит, этот сволочь Бачила, всё-таки, попал в меня. Погодите, мы, что, в раю?

– Надеюсь, скоро мы об этом узнаем, – покачал головой Арсентьев. – Познакомимся? Я – Петрович. Это – Паша Сти-

лет, военный, а это – Ярослав. Доктор. И, по совместительству, мы все – покойники.

– А я – Балашов Лёха. Опер. Погиб, получается, при задержании.

– Ну, я рад, что вы вместе и уже познакомились, – заставил вздрогнуть и обернуться раздавшийся за спиной голос.

У самой стены стоял невысокий человечек неопределённого пола с непропорционально большой, абсолютно лысой головой и тщедушным маленьким тельцем.

– Ты кто? – от неожиданности даже икнул Балашов.

Похоже, этот вопрос, сегодня, самый повторяемый. Каскет набычился и сделал шаг вперёд. От этого странного визитёра ожидать хорошего не стоило. Слишком отталкивающий внешний вид и визгливый бесполоый голос говорили сами за себя.

– Я – Искин.

– Искин? – не понял Стилет. – Тоже покойник?

– Искин – это искусственный интеллект.

– Робот, что ли? – уточнил Петрович.

– Нет. Просто искусственный интеллект.

– Ну, раз ты в теле, то это и есть робот.

– Вы про это? – Искин ткнул тоненькой ручкой в свою грудь. – Это голографическая проекция. Просто, вам удобнее общаться с персоной, а не просто с голосом из пустоты. Но, это, в данном случае, не важно.

– А, что же важно?

– Важно, зачем вы здесь.

– И, зачем?

– Для того, чтобы участвовать в шоу.

Нужно было время, чтобы осознать то, что им сейчас сказал этот нелепый человечек. Мужчины переглянулись, и Петрович недоумённо пожал плечами.

– А ну-ка поподробнее, – нарушил молчание Стилет. – Что за шоу? Мы, тебе, что, клоуны?

– Нет, не клоуны. Вы – те, кто давным-давно умерли не своей смертью.

– И что это меняет?

– Ровно ничего, если не считать того, что в шоу должны участвовать только смертники. Такие, как вы.

– Подожди, – Наконец, Петрович понял, что в словах Искина резануло слух. – Как это давным-давно? Я только сегодня умер.

– Вы умерли триста двадцать восемь лет назад. Точнее, могли умереть. Но мы успели вас выдернуть из вашего времени за секунду до остановки сердца.

– И меня? – поинтересовался Паша.

– Вас – за секунду до разрыва боеприпаса. Только триста тридцать два года назад. Вас – триста тридцать лет назад прямо из-под колёс грузового автотранспорта.

– А меня, получается, за секунду до попадания в меня пули? – предположил Балашов.

– Да. Триста тридцать шесть лет назад.

– И, к чему такие сложности? – поинтересовался Стилет. – Я так думаю, что перемещение во времени – процедура нелёгкая даже для вас.

– Не лёгкая. Точнее, очень энергозатратная. Но, необходимая.

– В чём же такая необходимость.

– Понимаете, сто пятьдесят лет назад, с открытием совершенно неожиданных законов в области квантовой физики, цивилизация вышла на совершенно новый уровень развития. Появилась возможность создания технологий, при которых человеческий труд оказался ненужным. Наступила эра, о которой мечтало человечество на протяжении всей истории развития цивилизации. Людям не нужно было зарабатывать себе блага. Всё у них было и так, с самого рождения. И, в результате, общество деградировало. С исчезновением целей, которые раньше человек постоянно ставил перед собой, появилась апатия. Люди стали замыкаться в себе, активность снизилась, а количество суицидов, наоборот, сильно увеличилось. Никто уже не задумывался над продолжением рода. Каждый жил только для себя. Пришлось, даже, создавать фабрики по производству людей, где зачатие проводилось в специальных камерах, а плод вынашивался в инкубаторах. Но, и это не помогало. Популяция гомо сапиенс начала сокращаться и оказалось на грани вымирания.

– Печально, конечно, но причём тут шоу?

– Человечество нужно было встряхнуть, вернуть вкус к жизни. Квантовый супермозг, отвечающий за качество жизни на планете (президент, по вашему), выдвинул идею создания шоу. И, не простого шоу, а шоу смертников. И, знаете, спокойное болото человечества всколыхнулось! Люди, поголовно, стали смотреть это шоу на своих головизорах, и появились эмоции.

– То есть, ты хочешь, чтобы мы дрались на потеху нашим потомкам? – нехорошо оскалился Паша и, внезапно, метнул камень, неизвестно как оказавшийся в его руке, прямо в Искина.

Камень пролетел сквозь голову и, с глухим стуком ударившись о стену, упал и покатился по полу. Ущерб Искину он не нанёс, только, по всему телу пробежала лёгкая рябь.

– Зря вы так, – печально улыбнулся собеседник и осуждающе покачал головой. – Я же говорил, что я – всего лишь, голографическая проекция. Вернёмся к теме. Вы, почти, правы. Вам придётся драться. Но не, друг с другом. Таких, как вы, здесь находятся тридцать шесть групп. Примерно, на половине пути между вами и ближайшей группой будет раз в день, ровно в двенадцать часов, сбрасываться контейнер с едой, водой и всем необходимым. Но того, что будет там, хватит на сутки только одной группе, и то, впритык. То есть, вам необходимо будет завоевать право владеть контейнером, или умирать от голода. Это, как вам захочется. Хотя, от голода вы не успеете умереть. Вас раньше придут и убьют бо-

лее удачливые группы. Ситуация, происходящая тут, будет внимательно отслеживаться, и контейнера будут сбрасывать-ся ровно между вами и вашими соперниками. А, если вам повезёт избавиться от всех соседей, вам укажут, куда нужно будет переселиться, если понадобится.

– А, если мы не захотим?

– Тогда другие переселятся к вам поближе. В любом случае уклониться от схватки не получится.

– Почему бы нашим потомкам не пощекотать нервы, самим поучаствовав в этом шоу, а не сидя у экранов? – поинтересовался Балашов.

– Это невозможно! – Искин, даже, заколыхался. – Человеческая жизнь бесценна и свята!

– Позволь заметить, – попытался напомнить Ярослав. – Мы, на минуточку, тоже люди.

– Мёртвые люди. Вы погибли в вашем мире, поэтому, ваша гибель здесь будет вполне логична.

– Ещё одно, – вставил Арсентьев. – Двое из нас смертельно больны.

– Это вы про онкологию и СПИД? Бросьте. Вы совершенно здоровы.

– Но...

– После переноса вы были вылечены.

– А оружие? – поинтересовался Стилет.

– Кое-что будет в контейнерах. А, в начале, думайте сами.

– Что нам стоит уйти отсюда куда-нибудь подальше и не

ввязываться во все эти ваши игры? – спросил Лёха.

– Вы находитесь на острове, так что, далеко не уйдёте. Вам придётся биться за ресурсы, хотите вы этого или нет. Это закон шоу. В любом случае, скучать вам не придется, и нужно будет постоянно быть начеку. Ваши соперники, вероятно, захотят обезопасить себя, сократив ваше количество, и они могут напасть на вас неожиданно в любой момент, а не только во время сброса контейнера. Кстати, советую вам поступать так же. В этом шоу правил нет. Можно объединяться против общего противника, можно сливаться в одну общую группу.

– Ты говоришь, шоу смотрят, – задумчиво проговорил Петрович. – Но, мы ещё, даже, не начинали.

– Вы не первые и не вторые. До вас были другие.

– И чем всё это заканчивалось?

– Выжившая группа, или остатки группы, отправляются назад с шансом жить дальше в своём времени. И, поверьте, это дорогого стоит. Омолодившийся, совершенно здоровый организм проживет ещё очень долго. Это мы гарантируем.

– А остальные, которые погибнут?

– Утилизируются и будут считаться пропавшими без вести в вашем времени.

– Весело, – хмыкнул Балашов.

– Обхохочешься, – усмехнулся Стилет. – Где контейнер сбрасывают? Куда идти?

– Вам покажут.

Искин исчез неожиданно. Вот, только что был, и, вдруг, растворился в воздухе. Ярослав подошёл к тому месту, где только что был этот несуразный человечек, и провёл рукой по воздуху.

– Он же сам сказал, что это голографическая проекция, – засмеялся Петрович. – Проектор выключили, и изображение исчезло.

– Да я понял. Просто, необычно, как-то. Совсем как настоящий был.

– Не о том думаете, – окликнул их Стилет. – Что дальше делаем?

– А, что тут думать? – Балашов нагнулся и принялся поднимать камни, взвешивая их у себя в ладони и отбрасывая в сторону. – Драться надо. Я, лично, не хочу уподобляться барану на заклании, или зайцем, бегающим по лесу от хищников и трясущимся под каждым кустом.

– Заяц, в принципе, не так уж и беззащитен, – заметил Ярослав. – Та же лиса рискует с ним связываться только с большой голодухи.

– Спасибо за информацию, Док, – отмахнулся Лёха. – Я, сейчас, не об этом. Драться нам придётся, это однозначно. И я надеюсь побеждать. Это Петрович может лапки сложить и ждать, пока его укокошат.

– Это, почему? – возмутился Арсентьев.

– Ты же самоубился, суицидник! Значит, жить не хочешь.

– Я жить хочу.

– А, что же, тогда, таблеток наглотался?

– У меня онкология была. Жить оставалось две недели.

Не хотел мучиться. А, теперь, когда потомки меня вылечили, почему бы и дальше не пожить?

– Да? Ну, тогда, думай, чем драться будешь.

– Как это чем. Дам кулаком в зубы и всё. Я в молодости боксом занимался.

– Кулаком в зубы! – передразнил Петровича Балашов. – Это тебе не в парке с гопниками бодаться. Тут гонка на выживание. Понимаешь? Кто кого убьёт.

– Опер прав, – поддержал Лёху Стилет. – Тут и горло грызть придётся. Надо оружие придумывать. А, пока, и камень сгодится.

Он нагнулся и тоже подобрал себе камень, примерился, отбросил в сторону и подобрал другой.

– А, где жить будем? – тоже поднял с пола булыжник Ярослав.

– Пока, тут, в пещере. А, потом, оглядимся. Может, и попадётся что-нибудь получше.

– А спать где?

– Да на полу и поспишь.

– Нож бы, – мечтательно закатил глаза Павел. – Уж, ножом я бы показал, как обращаться.

– Пошли на улицу, – вдруг, попросил Ярослав. – На свежий воздух хочется. Да и осмотреться бы надо.

– Согласен, – кивнул головой Стиллет. – Пошли.

Они вышли из пещеры и остановились, оглядываясь. Вокруг был лес. Обычный, смешанный, в котором ели сменялись осинами, осины берёзами, а берёзы дубами. Петрович, правда, в ботанике силён не был, но то, что тут были хвойные и лиственные породы, это было ясно и дилетанту. Паша тут же, с радостным возгласом подпрыгнул, уцепился за сухой толстый сук и принялся, раскачиваться, пытаясь отломать его. Наконец, это у него получилось, и он стал увлечённо очищать его от мелких веток.

– Вот и оружие! – довольно проговорил он. – Не стойте столбами, тоже себе отламывайте палки.

– Тоже мне, оружие! – скривился Ярослав. – Вот, калаш бы сейчас сюда, и вперёд! От пояса веером! Та-та-та!

– Какие мы герои! – Стиллет презрительно усмехнулся. – Правда, не Калаш, а, как минимум, автомат Калашникова. И им, напомню, нужно уметь пользоваться.

– Да что там уметь-то? Нажимаешь на курок и стреляешь. Не зря он самый распространённый в мире. Даже негры с ним по джунглям бегают. А тут – палка какая-то! Камень, и то, круче. Его, хоть, запулить кому-нибудь в голову можно. Как ты в Искина. Классный бросок был.

– Хорошо. Кинул камень. А дальше? Или, ты собрался тонну булыжников с собой таскать? Нет. Палка надёжнее. Ею можно ударить, а можно использовать, как копьё. Видите, место слома, какое острое? Не наконечник, конечно, но

травмы серьёзные может нанести. Особенно, если в лицо. И, вообще, когда древний человек взял в руки палку, он сделал огромный шаг в своей эволюции.

– Вообще-то, он сделал огромный шаг в эволюции, когда использовал палку в качестве орудия труда. А махать ею и бить по голове могут и обезьяны.

– Ты бы тоже озаботился оружием, а не разглагольствовал попусту. Видишь, наш Опер с Петровичем с меня пример взяли, и время не теряют.

Петрович, как раз, закончил очищать свою палку и, услышав своё имя, довольно улыбнулся. Палка, действительно, получилась хорошей, хватистой, с крупным узловатым утолщением на конце. Настоящая дубинка. Такой помахать одно удовольствие. Хотя, Арсентьев, отнюдь, не горел желанием драться с кем либо.

Пока вооружались подручными средствами, время приблизилось к полудню. Солнце поднялось высоко и стало жарко.

– Я бы сейчас поел бы чего-нибудь, – озвучил общую мысль Балашов, вытирая со лба пот.

– Для покойничка ты слишком прожорлив, – засмеялся Петрович. – Хотя, я бы тоже не отказался. И лес пустой какой-то. Ни, тебе птиц, ни шебуршания в траве. Даже не поохотишься.

– Скоро сброс контейнера, – посмотрел на солнце Паша. –

Там и поедим.

– Или не поедим, – возразил Ярослав.

– Нельзя, Док, быть таким пессимистом. Не знаю, что представляют из себя наши противники, но и мы чего-то стоим.

– Никогда не думал, что мне придётся драться за еду, – задумчиво произнёс Петрович.

– А кто думал? – невесело усмехнулся Балашов.

– А, ведь, если мы победим, наши противники останутся голодными, – вдруг, проговорил Ярослав.

– И, что? Побудем добрыми Самаритянами и отдадим еду без боя? – нехорошо нахмурился Стилет. – Тем более, что с едой останутся выжившие, а мёртвых голод, как-то, не беспокоит.

Звук сирены прозвучал откуда-то сверху, словно из безоблачного неба, а в воздухе замерцала и вспыхнула зелёным светом стрелка, указывающая куда-то вперёд.

– Похоже, пора в бой, – встрепенулся Опер. – Нам туда.

– Тогда, пошли, – закинул свою палку на плечо Паша. – И, да поможет нам Бог.

Петровичу, вдруг, стало страшно. Только сейчас, до него в полной мере дошло, что придётся биться насмерть. На непослушных ногах он обошёл внезапно побледневшего Ярослава и двинулся вслед за Балашовым и Пашей. За спиной слышались торопливые шаги догоняющего Дока. Стрелка постоянно двигалась впереди группы на одном и том

же расстоянии, задерживаясь, словно поджидая, когда группе приходилось продираться через особенно густые заросли подлеска. Спустила метров двести она повернула налево, потом опять повела прямо, пока не вывела к большой поляне неправильной формы, вытянутой немного наискосок.

Посреди поляны когда-то росли три дерева, но их давно срубили и только три трухлявых пня напоминали об этом. Стиллет остановил группу возле кустов, знаками показал, чтобы сидели тихо и не высывались, и принялся наблюдать за поляной. Соперников, или, может, правильнее сказать, противников, не было видно.

– А, может, они вообще не придут? – с надеждой спросил Док. – Может, это всё, просто, дурацкий розыгрыш и никакого шоу нет?

– Тихо ты! – цыкнул на него Паша. – Тут они. Вон, с той стороны поляны сидят.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.